

«О том, как фабриковать книги»
(Два письма господину Фридриху Николаи)
1798 г.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Господину Фридриху Николаи, писателю

Ученые реликвии превосходного (нередко, правда, впадающего в комически-бурлескное) Мёзера попали в руки его давнего друга, господина Фридриха Николаи. Это была часть фрагмента из сочинений Мёзера под заглавием «О теории и практике», с которым господин Николаи ознакомился в рукописи и который, как предполагает он сам, Мёзер опубликовал бы, если бы полностью его закончил. При этом отмечается, что «Мёзер был не только роялистом, но и, если угодно, аристократом, или, к удивлению и недовольству многих политиков в Германии, защитником наследственного дворянства». И далее: «Между прочим (см. «Метафизические начала учения о праве», издание первое, стр. 192) существует утверждение о том, что никогда ни один народ по доброй воле и зрелом размышлении не согласится на подобную наследственность», в опровержение чего Мёзер в своей известной прихотливой манере сочиняет рассказ о том, как персоны очень высокого ранга выступают в роли вице королей и тем не менее остаются истинными подданными государства. Далее приводится двенадцать случаев, в шести из которых сыновья умерших сановников не были избраны, что отрицательно сказалось на подданных. И, напротив, в шести остальных (округах) последние были избраны, в результате чего народ почувствовал облегчение. Из этого делается затем вывод, что в целом народ вполне способен согласиться на подвластное положение вышестоящему подданному, а реальная практика сметает, словно ненужный хлам, на потеху читающей публики как вышеупомянутую, так и другие столь же легковесные теории.

Судьба максимы, имеющей целью выгоду народа, всегда такова, что каким бы умудренным опытом он сам себе ни казался, все же в случае избрания себе подвластного господина он может глубоко просчитаться и наверняка просчитается, потому что способ набираться мудрости на опыте (прагматический принцип) едва ли может получить себе другого учителя, кроме горького опыта.

Однако в данном случае речь идет о надежном, предписываемом самим разумом руководстве, которому нет дела до того, какой выбор сделает народ, преследуя всякий раз свои конкрет-

ные цели, а о том, каким непременно должен быть его выбор, независимо от того, полезен он ему или нет (моральный принцип); другими словами, вопрос о том, что и как должен выбирать народ, руководствуясь правовым принципом, если только ему будет предоставлено право выбирать. Ибо этот вопрос следует рассматривать как относящийся к учению о праве (см. там же — «Метафизические начала учения о праве», стр. 192), а именно, вправе ли суверен утверждать между собой и другими подданными, гражданами государства, промежуточное сословие; ответ, следовательно, должен быть таким: народ не может и не будет на разумном основании принимать решение о подобной своей зависимости, потому что тем самым он оказывается во власти капризов и настроения вышестоящего подданного, который, в свою очередь, нуждается в управлении, что содержит в себе противоречие. Принцип суждения в данном случае будет не эмпирическим, но принципом *a priori*; как и все суждения, ассерторичность которых содержит одновременно и необходимость, они единственно являются суждениями разума (в отличие от суждений рассудка). И напротив, эмпирическое право-ведение, если только оно может быть применено к философии, а не к уставному уложению законов, содержит в себе противоречие*. Все это хорошо. Но — как имеют обыкновение выражаться старушки, рассказывая сказки, — не совсем. Воображение берет теперь другое направление, а именно:

После того, как в шести следующих округах народ ко всеобщей радости избрал сыновей предыдущих сановников, тотчас, как об этом повествует история далее, появились в народе (то ли благодаря постепенному прогрессу злосчастливого просвещения, то ли потому, что каждое правительство должно нести бремя забот о народе, особенно, если смена одного правительства другим обещает скорейшее улучшение) демагоги, и тогда правление принимает следующий оборот.

В седьмом избирательном округе народ избрал сына предыдущего герцога. Но последний столь далеко ушел вместе со своим веком по пути культуры, что не испытывал особого желания поддерживать с помощью образцового ведения хозяйства его (народа) благосостояние, зато имел тем большее стрем-

---

* Согласно принципу эвдемонизма (учение о наслаждении и блаженстве), в котором не встречаются понятия необходимости и всеобщности (так как каждому индивидууму в отдельности представляется определять, что он согласно своим склонностям считает счастьем), народ действительно имеет право избрать себе подобную наследственную конституцию. Однако согласно элейтероническому принципу [1] (частью которого является учение о праве) он не станет учреждать внешнего, ему подчиненного законодателя, потому что в этом случае он должен бы был рассматривать себя в качестве законодателя и в то же время подчиняться этим законам. Поэтому практика (в деле чистого разума) должна просто следовать за теорией. Подобное декретирование неправомерно, как бы оно ни практиковалось и как бы оно даже ни было полезно для государства, в чем, однако, нельзя быть уверенным.

ление к наслаждению. Поэтому он велит снести старинный замок, чтобы построить на его месте помещение для праздничных забав и охоты на потеху себе и народу. Великолепный театр и старинное столовое серебро превращаются им соответственно в большие танцевальные залы и в изысканный фарфор под тем предлогом, что серебро, став деньгами, обещает улучшение торговли в стране.

В восьмом хорошо воспитанный избранник народа нашел более целесообразным с одобрения народа упразднить первородство в получении наследства, так как ему ведь не составит труда понять, что родиться первым еще не значит родиться и самым мудрым.

В девятом народ, учреждая некие земельные коллегии со сменным персоналом вместо правительства с его прежними постоянными советами, выступавшими в конечном счете коллективными деспотами, счел более уместным и целесообразным оказывать уважение институту наследственного пастора не иначе, как увековечив вместе с тем цех святейшего обскурантизма.

В десятом и одиннадцатом посчитали, что отвращение к мезальянсу было причудой прежней феодальной конституции в ущерб освященному самой природой правопорядку и что скорее доказательством наличия у народа зачатков благородных чувств является то, что он — неизбежное следствие прогресса в просвещении — талант и благой образ мыслей почитает выше роли наследственной знати. Точно так же в двенадцатой (округе) хотя и будут симпатизировать добродушную старую тетушку юного несовершеннолетнего, но вероятного будущего герцога, но возведение этого в принцип государственности сочли бы неуместным требованием. Следовательно, настроения народа, получившего право выбирать себе наследственного гувернера, который, в свою очередь, остается подданным, будет принимать все более уродливые формы, находящиеся в столь вопиющем противоречии со своей целью (блаженством), что можно сказать: *Turpiter atrum desinit in piskem mulier formosa superne* [2].

Таким образом, любую конституцию, основанную на принципе наслаждения, даже если а priori можно быть уверенным в том, что народ предпочтет ее всем другим, можно свести к смехотворному.

Итак, подброшенная вверх монета показала обратную сторону, а о выборе народа, пожелавшего иметь себе господина, можно сказать то же, что сказал однажды один грек о женьтибе: «Что бы ты ни сделал, все равно ты раскаешься в этом». Господину Фридриху Николаи не повезло, следовательно, с толкованием и защитой якобы дела другого (а именно — Мёзера). Но может быть, ему повезет больше, когда мы рассмотрим, как он занимается своим.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Господину Фридриху Николаи, издателю

Производство книг в обществе, далеко продвинувшемся в своей культуре, когда чтение стало чуть ли не всеобщей потребностью, является немаловажным занятием. Эта отрасль индустрии в стране значительно выиграет, если она будет поставлена по-фабричному; последнее, однако, может быть осуществлено не иначе, как с помощью издателя, способного уловить вкус публики и оплатить мастерство нанимаемого им для этого печатника.

Последнему (издателю) для оживления своего издательского дела следует принимать в расчет не внутреннее содержание и достоинство предлагаемого им товара, а злобу дня, ради которой пускаются в бойкий оборот эфемерные продукты печатной прессы, и рынок, на котором они находят, хотя и сомнительный, по все же скорый сбыт.

Будучи опытным знатоком книжного дела, издатель не станет ждать, пока ему предложат свой товар графоманствующие и всегда услужливые писатели. В качестве директора фабрики он найдет и материал, и фасон, который, как предполагается,— в силу своей новизны и остроумного гротеска, дабы читающая публика получила предмет для любопытства и осмеяния,— этот товар, повторяю я, найдет самый большой спрос, или, во всяком случае, самый скорый сбыт. Действительно, в этом случае никто не станет спрашивать, кто и сколько времени работал над этим, быть может, незаслуженно обреченным на осмеяние произведением, а критика подобного сочинения придется не в адрес издателя, а в адрес нанятого им изготовителя.

Тот, кто публично занимается ремеслом, согласующимся в том, что касается производства и сбыта, со свободой народа, тот является хорошим гражданином, угодно это кому-либо или нет. В самом деле, корысть, не противоречащая предписаниям полиции, не является преступлением, и господин Николаи-издатель выигрывает во всяком случае вернее, нежели в качестве писателя, потому что презрение к кривлянию выставленного им напоказ Семпрониуса Гундиберга [3] и ему подобных арлекинов падает не на того, кто организует спектакль, а на того, кто играет в нем роль шута.

Ну а как же быть теперь с пресловутым вопросом о теории и практике в связи с авторством господина Николаи, которое, собственно, и послужило поводом для настоящей оценки, находящейся в тесной связи с данным вопросом? Описанный здесь случай издательской мудрости в отличие от издательской основательности (превосходство видимости над истинностью) может быть охарактеризован согласно тем же принципам, что мезеровское сочинение, с той лишь разницей, что теперь вместо

слова «практика», означающего открытое и честное обсуждение вопроса, следует употребить слово «практикующий» (с акцентом на предпоследнем слоге), стремящийся представить любую теорию в глазах делового человека по-детски наивной и смехотворной, что, впрочем, не преминет оказать свое действие по принципу: «Мир хочет быть обманутым,— так пусть он будет обманут!»

Доказательством полного невежества и неспособности подтрунивающих философов оценить суждения разума является следующее: они не понимают, что же, собственно, означает познание а priori (называемое ими едко «знаемое наперед знание») в отличие от эмпирического. «Критика чистого разума» достаточно часто и ясно разъясняла, что это суть суждения, производимые со знанием их внутренней необходимости и абсолютной всеобщности (аподиктичности), следовательно, они не могут быть теми или иными, так как в противном случае классификация суждений была бы произведена по следующему забавному принципу: «Коровы фараона были коричневого цвета, но также и другого». Никто так не слеп, как человек, не желающий видеть, и это нежелание имеет здесь свой интерес, а именно с помощью странного спектакля, в котором вещи, вырванные из своего естественного порядка, оказываются поставленными с ног на голову, дабы привлечь побольше любопытствующих и с помощью этой толпы зевак оживить (хотя бы на некоторое время) рынок и не дать тем самым книжному ремеслу заглохнуть в сфере литературного дела. Впрочем, это имеет и свою, хотя и косвенную, выгоду — перейти, наконец, от надоевшего всем паясничества, но с тем большей серьезностью, к основательной проработке наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эйлегерономический принцип (от греческого *eleutheroi* — свободный, *nomos* — закон). Имеется в виду учение о нравственности, высшим принципом которого, по Канту, является категорический императив права.

2. «Лик от красавицы-девы, а хвост — от чешуйчатой рыбы». (Цит. по: Гораций. Послание к Писонам. Стих третий/Перевод М. Л. Гаспарова.)

3. Семпрониус Гундиберт — главный герой романа Ф. Николаи «*Leben und Meinungen Sempronius Gundiberts*» («Жизнь и взгляды Семпрониуса Гундиберта»).

Перевод с немецкого и примечания И. Д. Копцева

Памфлет «О том, как фабриковать книги», представляет собой одно из последних критических выступлений в печати старого Канта. Отразив нападку на критицизм со стороны философов так называемого интеллектуального созерцания, основанного на чувстве и вере, в статьях «О недавно возникшем высокомерном тоне в философии» (см.: «Кантовский сборник», вып. 10) и «Предсказание близкого заключения мира в философии» (см.: «Кантовский сборник», вып. 8), Кант счел необходимым рассчитывать и с философией так называемого здравого обыденного смысла, представленной в наиболее агрессивной и плоской форме в лице Фридриха Николаи, писа-

теля, литературного критика и издателя журналов «Литературные письма» и «Всеобщая немецкая библиотека».

Названием первого журнала объясняется, видимо, тот факт, что Кант для своего памфлета против Николаи также избирает форму письма.

Первоначально Кант находился в довольно дружеских отношениях с Николаи. Последний как глава берлинского просвещения и издатель предпринимал неоднократные попытки привлечь великого философа к сотрудничеству в своем журнале. В двадцатом номере журнала «Всеобщая немецкая библиотека» он даже поместил портрет Канта, на что последний реагировал весьма сдержанно. В письме к Николаи от 25 октября 1773 г. Кант, правда, благодарит Николаи, но добавляет при этом, что лучше бы он (Кант) не видел этого портрета, так как «избегает всякого навязывания своей публичной славы, не являющейся естественным следствием соответствующих этому заслуг». В письме от 26 февраля 1778 г. Кант обещает Николаи подыскать для его журнала среди своих друзей абонентов, но сотрудничать с ним не стал. Этому было, по-видимому, несколько причин. Одной из них было то, что в журнале Николаи печатались в основном более или менее краткие обзоры произведений из всех областей литературы и не помещались серьезные, самостоятельные исследования. Далее, Кант к этому времени уже активно сотрудничал с журналом своего друга Иоганна Эриха Бистера «Берлинше Монатсшрифт» и был верен этому журналу. Кроме того, не последнюю роль сыграла и довольно скандальная известность Николаи. Будучи влиятельным человеком в литературных кругах, он стал все более впадать в самодовольное тщеславие и рассматривать себя в качестве единственного непогрешимого стража здравого смысла и хорошего вкуса. Он осыпал язвительными насмешками все, что не соответствовало его в целом ограниченному кругозору. Известны, например, его нападки на роман Гёте «Страдания юного Вертера», пользовавшийся, как известно, огромной популярностью в Германии. По мнению Карла Форлендера, Кант читал этот роман и положительно отзывался о нем. Не обошел Николаи и критическую философию. В романе «Geschichte eines dicken Mannes» (История одного толстяка», 1794 г.) Николаи сделал попытку выставить ее в смешном свете. В предисловии к «Учению о праве» из «Метафизики нравов» Кант мягко парировал выпады Николаи, назвав его не критичным и несведущим человеком, хватающимся за старую бумажную систему (имеется в виду вольфианство) и не дающим хода ничему новому. Однако Николаи усилил свои нападки на критицизм в своем втором опусе «Жизнь и взгляды Семпрониуса Гундиберта» (1798). Кант решает поставить на место зарвавшегося графомана и фабриканта от литературы в двух письмах под общим заглавием «О том, как фабриковать книги». В первом письме Кант опровергает по существу реакционный взгляд Мёзера и Николаи, защищавших необходимость сохранения института наследственного дворянства. Кант убедительно доказывает правильность одного из своих политико-правовых положений о том, что народ не должен и не будет на разумном основании соглашаться на учреждение между собой и монархом промежуточного правящего сословия, так как в этом случае он оказался бы в зависимости от капризов и настроений вышестоящего подданного, который в свою очередь, нуждается в управлении.

Во втором письме Кант остро бичует Николаи как издателя, который в погоне за наживой от издательского дела обращает внимание не на внутреннее содержание своего «товара», а на его скорейший сбыт, не останавливаясь при этом перед паясничеством и искажением фактов, действуя согласно принципу: «Мир хочет быть обманутым, — так пусть же он будет обманут!»

Критика Кантом Николаи нашла сочувственный отклик у обоих веймарских диоскуров, В. Гёте и Ф. Шиллера. Последний в письме к Гёте от 1 ноября 1795 г. сетовал на то, что Николаи в своих «плоских этюдах» сваливает в одну кучу все, что есть положительного и отрицательного в философии критицизма. Цитата из письма Гете к Шиллеру от 28 июля 1978 г.

настолько интересна, что ее следует привести: «Постановка Кантом этого болтуна (Salbadars) примечательна и весьма. Мне нравится в старике, что он всегда готов повторять свои основные положения и бить при любой возможности в одну точку. Молодой человек поступает, вероятно, правильно, что не обращает внимания на своих противников, но пожилой муж, теоретик, не должен прощать никому неловкого выражения. Мы впредь будем поступать так же»*.

Перевод памфлета с немецкого осуществлен с издания: Immanuel Kants sämtliche Werke. Herausgegeben von Karl Rosenkranz und Fried. Wilhelm Schubert, Sechster Teil, Leipzig, Leopold Voss, 1839.

* Цит. по: Vorländer Karl. Immanuel Kant. Der Mann und das Werk., 2. erweiterte Auflage. Hamburg: Meiner, 1977, Viertes Buch. S. 279.

И. Д. Коцев.